

Печатается по постановлению Ученого совета ИВР РАН

**Пятые востоковедные чтения
памяти О. О. Розенберга**

Труды участников научной конференции

Составители:

Т. В. Ермакова, Е. П. Островская

Научный редактор и автор предисловия:

М. И. Воробьева-Десятовская

Рецензенты:

доктор исторических наук, проф. Е. И. Кычанов

доктор культурологии, проф. О. И. Даниленко

© Институт восточных рукописей РАН, 2012

© Авторы публикаций, 2012

А.М. Стрелков

Санскритская надпись в храмовом декоре Цугольского дацана

Статья посвящена феномену использования санскритских надписей, выполненных письмом ланджа¹, в декоративном оформлении буддийских религиозно-культовых сооружений на территории Центральной Азии. Автор излагает собственные аналитические наблюдения в связи с одной из таких надписей, инкорпорированной в декор деревянных оконных ставней главного храма Цугольского дацана — забайкальского буддийского монастыря Даши Чойпэл лин. Показано, что в композиции рельефа, содержащего надпись «lakṣmī», семиотически синтезирована индийская и китайская благопожелательная символика, имеющая буддийскую космологическую коннотацию. Автор отмечает ошибки, обнаруженные им в надписи, и высказывает предположение о причине подобных огрехов, нередко наблюдаемых в декоре буддийских сакральных объектов в Центральной Азии.

Ключевые слова: буддизм, буддийская художественная культура Центральной Азии, декоративные санскритские надписи письмом ланджа, декоративная санскритская надпись из Цугольского дацана.

В буддийской художественной культуре Центральной Азии утвердилась традиция инкорпорирования санскритских надписей, выполненных письмом ланджа, в декор религиозно-культовых сооружений — монастырских храмов, храмовых врат, ступ. Как правило, такие надписи обнаруживаются в композиции каменных, керамических и деревянных рельефов. На рельефе надпись изображается либо горизонтально, либо вертикально. Текст надписи может содержать мантры, благопожелания, названия монастырей, религиозных учебных центров, храмов.

Традиция включения санскритских надписей письмом ланджа в декорирование буддийских архитектурных объектов возникла в Тибете. Она была призвана увековечивать в зримой форме преемственную связь тибетского буддизма с Индией, родиной Будды Шакьямуни. Это подчеркивалось использованием письма ланджа, которое получило распространение в XI—XII вв. на индийских землях, прилегающих к границе с Непалом, поскольку согласно преданию Учитель

---

¹ Ланджа, или ранджана, — разновидность индийской письменности, возникшей на основе письма брахми; с XI в. использовалась для записи текстов на языке невари, родном для неваров — крупнейшего местного этноса. В ареале распространения буддийской культуры письмо ланджа применялось, в частности, для записи тантрических текстов. В Индийском фонде Отдела рукописей и документов ИВР РАН имеется целый ряд таких текстов, выполненных письмом ланджа. См.: Посова, Чижикова, 1999.

родился в деревне Лумбини, располагавшейся на этой приграничной территории. Из Тибета данная традиция распространилась в другие буддийские страны Центральной Азии.

Важно отметить, что санскритские надписи письмом ланджа присутствуют и на буддийских стягах, вывешиваемых в дни праздников по краям крыш храмов и над проходом храмовых врат. Обычай декорирования храмов надписными стягами в соответствии с датами сакрального календаря имеет специфически буддийскую космологическую коннотацию: каждый монастырь — это счастливый «материк» (санскр. *dvīpa*; тиб. *gling*), из центра которого, то есть из главного храма, Дхарма (Учение Будды) распространяется по четырем сторонам света. Эта коннотация манифестируется вывешиванием надписных стягов по краям четырех скатов крыши храма. Стяги, размещенные над проходом храмовых врат, символически маркируют ту границу, переступая которую, последователи Дхармы оказываются в сакральном центре «материка» благого Учения.

В связи с надписными стягами уместно упомянуть и об историческом милитарном аспекте их культурной семантики. В Тибете буддийские школы складывались при участии местной земельной аристократии, и территориальная дислокация школьных монастырей определялась границами владений того или иного феодала, выступавшего патроном школы. В период феодальных междоусобиц насельники монастырей участвовали в военных действиях на стороне покровителя школы, а монастырские комплексы выполняли функции цитаделей. Милитарная компонента в тибетском буддизме сохранилась и после реформ Цзонхавы (1357—1419), создателя школы *гелугпа*, заложившего основы тибетской теократической государственности. В соответствии с законодательными положениями в состав тибетской армии были включены подразделения, укомплектованные обученными военному делу гелугпинскими монахами (Островская-мл., 2008, с. 258—260).

Традиция размещения санскритских надписей, выполненных письмом ланджа, на стягах и в декоре храмов и ступ пришла из Тибета в буддийскую художественную культуру монгольских народов и закрепилась на новой этнокультурной почве. Но в отличие от Тибета рельефы с такими надписями обнаруживаются в других районах Центральной Азии значительно реже. Тем больший интерес представляет декоративная санскритская надпись, которую я имел случай видеть в Забайкальском крае, в Цугольском дацане, возвращаясь в начале апреля 2005 г. из Тибета, где находился в очередной одиночной экспедиции.

Мой обратный маршрут пролегал через Агинские степи, и я решил посетить расположенный близ села Цугол действующий монастырь Даши Чойпэл лин (тиб. *bkra shis chos 'orphel gling* — Обитель возрастания счастливого Учения), более известный в среде российских буддистов как Цугольский дацан.

История этого прославленного монастыря² началась в 1831 г., когда завершилось строительство первого, деревянного, здания дацана. В 1845 г. при монастыре

² Об истории Цугольского дацана подробнее см.: Стрелков, 2006.

был учрежден образовательный центр — цанид-дацан (тиб. *mtshan nyid grva tshang*), учебный факультет, предназначенный для подготовки буддийского духовенства по системе, разработанной Цзонхавой.³ До того времени в России не существовало ни одного подобного учебного заведения. В 1968 г. монастырский комплекс уже располагал не деревянными, а каменными строениями, декорированными согласно канонам буддийского изобразительного искусства.

По счастливому стечению обстоятельств меня знакомил с монастырем знаток его истории дархан Бальжинима, шестидесятитрехлетний бурят, успевший застать в живых так называемых «старых» лам — монахов, обучавшихся в цанид-дацане, который был упразднен в 1930-х гг., в период антирелигиозных гонений. Отмечу, что дарханами в Бурятии принято называть мастеров прикладного искусства — кузнецов, ювелиров, ремесленников-живописцев, резчиков по металлу и дереву и т. д. Бальжинима являл собой мастера-универсала — выполнял работы по дереву, железу и владел техникой традиционной живописи. Его детские и юношеские годы прошли в общении со «старыми» ламами. Именно они возрождали религиозную жизнь в Цугольском дацане, деятельность которого возобновилась в 1943 г., когда государственная политика СССР в области религии смягчилась. От «старых» лам Бальжинима узнал многие связанные с монастырем предания и усвоил традиции монастырского уклада. По ходу нашей с ним «экскурсии» пожилой дархан делился этими ценными культурно-историческими сведениями.

При наружном осмотре Цогчен-дугана (тиб. *tshogs chen odu khang* — дом большого собрания) — главного храма, где проводятся ежедневные общие религиозные службы, мое внимание привлекли двустворчатые деревянные оконные ставни (илл. 1). Изящно декорированные методом резного рельефа, они, по словам Бальжинимы, были изготовлены в конце XIX в.

На обеих створках была представлена одна и та же композиция, образованная тремя изображениями. Она включала три поля: два квадратных, верхнее и нижнее, и прямоугольное, вытянутое по вертикали, — посередине. Изображения в верхнем и нижнем полях повторялись: в центре был

Илл. 1. Окно Цогчен-дугана Цугольского дацана

³ Образовательная система, разработанная Цзонхавой и закрепившаяся в традиции школы гелугпа, включала пять дисциплин: ньяя (логика), виная (канонические тексты по религиозной дисциплине), абхидхарма (каноническая философия), мадхямака (философское учение Нагарджуны и его последователей), виджнянавада (философское учение о сознании).

Илл. 2. Знак «шоу» со свастиками в нижнем поле рельефа ставня

помещен китайский символ «шоу», а по периметру его обрамлял вегетативный орнамент. В начертании символа «шоу» («счастье и долголетие») отчетливо прослеживались две свастики⁴ — левовращающей и правовращающей, что соответствует движению по ходу солнца и в обратном направлении (илл. 2).

На среднем поле рельефа вертикально располагалась санскритская надпись письмом ланджа (илл. 3), обрамленная таким же, как в верхнем и нижнем полях, орнаментом. Надпись содержала санскритское слово «lakṣmī». Но воспроизведено оно было с тремя ошибками: в начальном слоге вместо *a* стояло *ā*, лигатура *kṣm* была составлена некорректно, в окончании стояло *i* вместо *ī*.

Значение надписи — «добрый знак; счастье; богатство; красота, великолепие» — семиотически корреспондировало с символом «шоу», изображенным в верхнем и нижнем полях, образуя единый благопожелательный контекст композиции. Но поскольку рельеф декорировал архитектурный элемент Цогчен-дугана, сакрального центра монастырского комплекса, закономерно возникал вопрос специфически буддийской коннотации изображения.

Ключом к интерпретации семиотической целостности композиции являлась, разумеется, надпись. Будучи инкорпорированной в декор монастырского главного храма, она должна была напоминать о высшей цели монашеского «обучения Дхарме» — достижении «счастливого пребывания в этой жизни» (санскр. *sukhavihārebhyastu*), то есть вступления в прижизненную нирвану.

Монах, достигший прижизненной нирваны, обретал статус архата, что наделяло его ответственностью за передачу традиции по линии учительской преемственности. Ради собственной пользы ему надлежало и впредь практиковать тот тип сосредоточения сознания, который возникает в момент обретения совершенного знания и в силу этого именуется «путем не-обучения». Ради пользы других он должен вести проповедь Дхармы, способствуя тем самым всемирному возрастанию «счастливого Учения». Именно эта концепция пребывания в прижизненной нирване изложена в трактате Васубандху «Абхидхармакоша»

Илл. 3. Надпись письмом ланджа в среднем поле рельефа ставня

⁴ Разновидности начертания символа «шоу» см.: Бир, 2010, с. 375.

(«Энциклопедия Абхидхармы»),⁵ включенном Цзунхавой как обязательный учебную литературу по программе цанид-дацана.

Сvastiки в той разновидности китайского благожелательного символа «шоу», которая была изображена в нижнем и верхнем полях рельефа, определенным образом конкретизировали буддийскую коннотацию надписи «lakṣmī». В буддизме свастика как символ имеет спектр значений. Свастикой символически изображается дхармачакра — колесо Учения. Имеет свастика и космологическую семантику пространственно-временной непрерывности распространения Слова Будды (Буддха вачана). Приветственным санскритским символом *svasti* (благоденствие, процветание) открывается целый ряд важнейших буддийских шастр (трактатов) и других произведений, изучаемых в цанид-дацанах. Запечатленное в мангале — вводных строках текста, оно могло быть адресовано Будде Шакьямуни, «буддам сторон света», отдельным персонам буддийского пантеона, основателю школьной традиции. В тибетских старопечатных изданиях слово *svasti* нередко заменялось теми или иными разновидностями графемы, изображающей свастикку. Подобные графемы-благопожелания используются в ксилографах также и для разграничения разделов текста.

Необходимо также подчеркнуть, что в буддийской культуре своеобразным аналогом свастики выступают также и упоминавшиеся выше молитвенные барабаны — вращающиеся тумбообразные сооружения, раскручивание которых отождествляется с актом содействия распространению Дхармы. Отмечу, что в Центральном Тибете мне неоднократно доводилось видеть рукояти молитвенных барабанов, выполненные в форме правовращающей свастики. Использование именно этой формы обусловлено особенностями *прадакшаны* — ритуала обхода буддийских храмов и монастырей по периметру, маркированному рядами молитвенных барабанов. Верующие движутся посолонь, раскручивая в том же направлении каждый из них.

Свастика как архаичный солярный символ — знак света и связи с благом засвидетельствована в древних культурах Индии и Китая. В буддийской тантрической традиции — Ваджраяне и, в частности, в учении Калачакра (Колесо времени) она ассоциирована с Буддой Шакьямуни, интерпретируемым как обладатель тела динакры — творца дня, то есть солнца. Вегетативный орнамент, обрамляющий в верхнем и нижнем полях рельефа символ «шоу», перекликается семиотически с солярной семантикой свастики, что совокупно усиливает общий смысл композиции — процветание и возрастание благого Учения.

Определенный интерес в связи с санскритской надписью в среднем поле композиции рельефа, также обрамленной снизу и сверху вегетативным орнаментом, представляет тот факт, что термин *lakṣmī* можно интерпретировать как имя одной из женских персон буддийского тантрического пантеона. Лакшми, пришедшая

⁵ О вступлении в прижизненную нирвану см.: Васубандху, 2006, с. 400–405.

в буддийскую *девалоку* (мир богов) из индийской мифологии вместе со своим божественным супругом Вишну, покровителем праведных государей, символизирует царскую власть и ассоциируется со счастьем, всеми видами процветания и успеха. Оба они, и Вишну и Лакшми, включены в состав божеств *Калачакра-мандалы* (полной космограммы).

В истории буддийской тантрической традиции получила известность также бхикшуни Лакшми (санскр. *bhikṣuṇī Lakṣmī*), прославленная как Кашмирская Лакшми Великая. Ее авторству принадлежит сочинение о панчакраме (*pañcakrama*) — пяти стадиях завершения практики Гухьясамаджа-тантры (в тибетском переводе: *Rim pa bgha'l don gsal bar byed pa zhes bya ba*). Бхикшуни Лакшми также составила стихотворную хвалу Бодхисаттве Авалокитешваре — произведение, рецитацией которого обычно сопровождается практика простирания. В этих стихах Лакшми Великая повествует о том, как получила Учение от лучезарного бодхисаттвы, источающего блаженство и исцеляющего своих почитателей от недугов и старости.

Семиотический синтез индийской (санскритской) надписи и китайского символа в композиции рельефа демонстрирует, на мой взгляд, ценностно-смысловую целостность буддийского мира как территории Дхармы. Исторически Центральная Азия выступала той контактной зоной, в которой соприкоснулись культуры Индии и Китая и в I тыс. н.э. под влиянием буддизма сформировалось цивилизационное единство разноплеменных и разноязыких народов (Воробьева-Десятовская, 2011, с. 9–24).

Размышляя, почему рельефы с санскритской надписью и китайским символом «шоу» украшают оконные ставни Цогчен-дугана, я счел возможным предположить, что ежедневное открывание окон храма, где проводятся общие службы, оглашаются проповеди Учения, осуществляются ритуалы принятия монашеских обетов, есть ни что иное, как религиозное священнодействие, подобное запуску молитвенного барабана. Из окон главного монастырского храма изливается во внешний мир свет Дхармы, и соответственно отворение оконных ставней, украшенных символами «счастливого пребывания в этой жизни», вполне подпадает под категорию «достойного деяния», метафизически порождающего религиозную заслугу (Васубандху, 2001).

Пытаясь сверить свои аналитические наблюдения с точкой зрения носителя традиции, я поинтересовался у Бальжинимы, что именно означают символы и надпись, изображенные на рельефе. В ответ дархан признался в собственном неведении. По его словам, в давние годы он и сам задавал подобный вопрос «старым» ламам, но никто из них не смог дать каких-либо разъяснений и даже прочесть надпись. Ответ Бальжинимы не слишком удивил меня, так как и в буддийских монастырях Тибета я неоднократно сталкивался с неосведомленностью весьма ученых насельников относительно декоративных санскритских надписей. Я поделился с Бальжинимой своими соображениями по поводу рельефа, отметив ошибки, имеющиеся в надписи, сделал соответствующие фотоснимки и пообещал

в скором будущем выслать ему реконструкцию правильного написания «lakṣmī» письмом ланджа.

Следует отметить, что орехи, содержащиеся в декоративных санскритских надписях, наблюдаются в буддийских монастырях Центральной Азии нередко. В культурно-историческом аспекте это явление объясняется, на мой взгляд, тем обстоятельством, что с XIV в., когда в Тибете начал функционировать официально унифицированный язык переводов (тиб. bkas bead) буддийских текстов, круг знатоков санскрита в среде образованного монашества начал неуклонно сужаться. К тому времени уже существовал составленный тибетскими переводчиками (лоцзавами) словарь санскритско-тибетско-китайских терминологических соответствий «Махавьютпатти» и было завершено редактирование переводов текстов, вошедших в состав тибетобуддийского канона (Харькова, 2011, с. 70–81). Традиция изучения санскрита продолжала свое существование лишь в небольших сообществах ученых-грамматистов.

Наряду с этим углублялась дифференциация профессиональных занятий, связанных с декорированием буддийских сакральных объектов. Сложились локальные художественные школы живописцев, резчиков по дереву, керамистов и прочих мастеров. Воспроизведение декоративных санскритских надписей письмом ланджа осуществлялось в рамках каждой такой школьной традиции в соответствии с теми образцами, которые передавались из поколения в поколение и не подлежали ревизии. Среди подобных образцов имелись и те, в которых содержались лингвистические погрешности.

В последней трети XIX в., когда происходило декорирование Цугольского дацана, не только в Бурятии и Монголии, но и в культурной сердцевине центральноазиатского буддизма — Тибете лишь немногие корифеи буддийской учености владели санскритом. А поэтому и не мог возникнуть вопрос о выправлении ошибок, вкравшихся в декоративные санскритские надписи, выполненные письмом ланджа.

Лишь более столетия спустя этот вопрос привлек к себе внимание, когда в КНР, на территориях, населенных тибетцами⁶, началось возрождение буддизма и встала задача восстановления прежних монастырских комплексов и строительства новых.

В 1980 г. вышла в свет книга «Основы [письма] ланджа», подготовленная Цзэтан Шабдруном⁷ (1910–1985), выдающимся традиционным ученым и

⁶ В территориально-административном отношении это расположенные на Северо-Востоке Тибетского нагорья провинция Цинхай, часть провинции Ганьсу, автономный округ Юйшу, на Востоке — часть провинции Сычуань и, разумеется, Тибетский автономный район, охватывающий Западный, Южный и Центральный Тибет.

⁷ См.: Tshe than zhab drung, 1980. Эту книгу в 1998 г. я получил в дар от монаха Дуйнхордацана (тиб. Dusk hor 'grva tshang — учебный факультет Калачакра-[тантры] монастыря Гумбум — Лобсан Гончог (blo bzang dkon mchog, г. рожд. 1965), выполняющего чертежные и другие графические работы для возведения храмов и ступ по заказу монастырей и общин буддистов-мирян.

религиозным деятелем Северо-Восточного Тибета⁸. Этот труд вскоре нашел широкое применение в области декорирования возводящихся ныне буддийских архитектурных объектов.

Я также воспользовался этой замечательной книгой, чтобы выправить санскритскую надпись из Цугольского дацана, однако начертания лигатуры *kṣm* в ней не нашел. Пришлось реконструировать надпись по собственному разумению (илл. 4). Экземпляр этой реконструкции был выслан мною в забайкальское село дархану Бальжиниме, хранителю исторической памяти Цугольского дацана.

Илл. 4. *Lakṣmī*. Авторская реконструкция декоративной надписи.

Литература

- Бир Р. Энциклопедия буддийских символов и орнаментов. — М.: 2010.
- Васубандху. Абхидхармакоша (Энциклопедия Абхидхармы). — Раздел III: Учение о мире; Раздел IV: Учение о карме / Перевод с санскрита, введение, комментариев и реконструкция системы Е.П. Островской и В.И. Рудого. — М.: 2001.
- Васубандху. Энциклопедия буддийской канонической философии (Абхидхармакоша). — Раздел V: Учение об аффектах; Раздел VI: Учение о пути Благородной личности / Перевод с санскрита, введение, комментариев и исследование Е.П. Островской и В.И. Рудого. — СПб.: 2006.
- Воробьева-Десятковская М.И. Великие открытия русских ученых в Центральной Азии. — СПб.: 2011.
- Островская-мл. Е.А. Воины радуги. Институционализация буддийской религиозной модели общества в Тибете. — СПб.: 2008.
- Посова Т.К., Чижилова К.Л. Краткий каталог индийских рукописей Института востоковедения РАН. — М.: 1999.
- Стрелков А.М. Цугольский дацан // Стрелков А.М. и др. Буддизм. Каноны. История. Искусство. — М.: 2006.
- Харькова Е.Ю. О трех «великих редакциях» переводов буддийских текстов на тибетский язык // Четвертые востоковедные чтения памяти О.О. Розенберга. Доклады, статьи, публикации документов / Составители: М.И. Воробьева-Десятковская, Е.П. Островская. — СПб.: 2011.
- Yu a mdo don grub tshe ring. Mkhas pa rgyad kyi zhal gtam. — Lhasa: 2004. [Жамдо Дондуй Цэрин. Наставления восьми мудрецов. — Лхаса: 2004].
- Tshe thah zhabs drung. Lañja 'I ma phyi. — Xi ning: 1980. [Цэтан Шабдун. Основы ланджа. — Синин: 1980].

Summary

A.M. Strelkov

Sanskrit Inscription by the lañja Script in the Architectural Decoration of the Cugol Datsan

The article is dedicated to phenomenon of the use the sanskrit inscriptions by the lañja script in the architectural decoration of the Buddhist temples on territory of the Central Asia. The author states his own analytical observations in connection with the

sanskrit inscription by the lañja script, which placed on the relief in the wooden carved shutter main temple of the Buddhist abbey in village Cugol (Zabaykaliskiy county of Russian Federation). The relief is executed more than one hundred years back. It is shown that in this relief, which composition contains inscription «lakṣmī» and two Chinese symbols of happiness and long life, synthesized Indian and Chinese symbolism of the good wishes, and this symbolism has the Buddhist cosmological connotation. The author notes three mistakes, discovered by him in inscription, and does suggestion about reason of the appearance mistakes, which often observed in the sanskrit inscriptions, used in architectural decoration of the Buddhist temples in the Central Asia. In article is presented the author's reconstruction of the sanskrit inscription by the lañja script from the Cugol datsan, in which named three mistakes are corrected.

Key words: Buddhism, Buddhist arts of the Central Asia, decorative sanskrit inscriptions by the lañja script, decorative sanskrit inscription from the Cugol datsan.